

ДЭН СИММОНС

ПЕСНЬ КАЛИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

C37

Серия «Эксклюзивная классика»

Dan Simmons

SONG OF KALI

Перевод с английского В. Малахова

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Симмонс, Дэн.

C37 Песнь Кали : [роман] / Дэн Симмонс ; [перевод с английского В. Малахова]. — Москва : Издательство AST, 2025. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-170755-2

Калькутта. Древний город ученых, философов, музыкантов, художников и поэтов. Город таинственных историй и странных верований, сочетающий в себе божественную красоту и отвратительное уродство, высоту духа и нищету обитателей тесных ночлежек, тонкие благовония и смрад мертвчины. Журналист Роберт Лузак по заданию редакции отправляется в это знаменитое место, чтобы привезти в Америку рукопись поэта Даса, ученика легендарного Рабиндраната Тагора. Обычная командировка оборачивается чередой ужасающих происшествий...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-170755-2

© Dan Simmons, 1985
© Перевод. В. Малахов, 2022
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2025

*Харлану Эллисону,
который слышал песнь,
а также Карен и Джейн,
которые являются
моими другими голосами.*

...Есть тьма. Она для всех. Лишь некоторые из греков и их почитателей в своем текучем расцвете, где дружба красоты с человеческими существами была идеальной, считали, что они отчетливо отделены от этой тьмы. Но и эти греки находились в ней. Но все равно завязшее в грязи, терзаемое голодом, загнанное в сутолоку улиц, ввергнутое в войны, страдающее, несчастное, суетящееся, получающее удары в живот, убитое горем, бесхребетное человечество продолжает восхищаться ими; все его множество, кто из-под клубов черного дыма хаоса Везувия, кто среди вздымающейся калькуттской полночи, вполне сознавая, где они.

Сол Беллоу

Но это Ад; и я не вышел из него.

Кристофер Марлоу

Есть места, слишком исполненные зла, чтобы позволить им существовать. Есть города, слишком безнравственные, чтобы испытывать страдания. Калькутта — именно такое место. До Калькутты я бы только посмеялся над такой идеей. До Калькутты я не верил в зло — во всяком случае, в качестве силы, отдельной от действий людей. До Калькутты я был глупцом.

Захватив Карфаген, римляне истребили мужчин, продали в рабство женщин и детей, разрушили громадные сооружения, раздробили камни, сожгли развалины, усыпали солью землю, чтобы ничто более не произрастало на том месте. Для Калькутты этого недостаточно. Калькутта должна быть *стерта*.

До Калькутты я участвовал в маршах мира против ядерного оружия. Теперь я грежу о ядерном грибе, поднимающемся над неким городом. Я вижу дома, превращающиеся в озера расплавленного стекла. Я вижу улицы, текущие реками лавы, и настоящие реки, выкипающие громадными сгустками пара. Я вижу фигуры людей, вы-

танцующих, как горящие насекомые, как вихляющие богомолы, дергающихся и лопающихся на ослепительно-красном фоне полного разрушения.

Город этот — Калькутта. Не могу сказать, чтобы мне были неприятны эти видения.

Есть места, слишком исполненные зла, чтобы позволить им существовать.

1

Сегодня в Калькутте бывает все что угодно... Кого мне винить?

Санкха Гош

— Не езди, Бобби, — сказал мой друг. — Не стоит оно того.

Шел июнь 1977 года, когда я приехал из Нью-Гемпшира в Нью-Йорк, чтобы обговорить с редактором из «Харперс» последние детали моей поездки в Калькутту. После этого я решил заскочить к своему другу, Эйбу Бронштейну. Скромное конторское здание на окраине, приютившее наш маленький литературный журналчик «Другие голоса», выглядело весьма непрятательно после нескольких часов созерцания Мэдисон-авеню с разреженных высот апартаментов издательства «Харперс».

Эйб в одиночестве сидел в своем захламленном кабинете и трудился над осенним номером «Голосов». Несмотря на открытые окна, воздух в комнате был таким же вонючим и сырым, как и потухшая сигара, которую жевал Эйб.

— Не езди в Калькутту, Бобби, — повторил Эйб. — Пусть это будет кто-нибудь другой.

— Эйб, все уже решено, — ответил я. — Мы вылетаем на следующей неделе. — После некоторых колебаний я добавил: — Платят очень хорошо и берут на себя все расходы.

— Гм-м, — молвил Эйб, передвинув сигару в другой уголок рта и хмуро уставившись в наваленную перед ним кучу рукописей.

Глядя на этого потного, всклокоченного человечка, больше, чем кто бы то ни было, напоминавшего заезженного букмекера, никто бы и подумать не мог, что он возглавляет один из наиболее уважаемых «малых журналов» страны. В 1977 году «Другие голоса» не затмевал старый «Кэньон ревью» и не вызывал необоснованного беспокойства по поводу конкуренции у «Хадсон ревью», но мы рассылали нашим подписчикам ежеквартальные номера журнала; пять повестей из тех, что впервые опубликовал наш журнал, были отобраны для антологий на премию О'Генри, а в посвященный десятилетней годовщине юбилейный номер пожертвовала повесть сама Джойс Кэрол Оутс. В разное время я перебывал в «Других голосах» помощником редактора, редактором отдела поэзии и корректором без жалованья. Теперь же, после того как я в течение года предавался раздумьям среди нью-гемпширских холмов и только что выпустил книгу стихов, я был лишь одним из уважаемых авторов. Но я по-прежнему считал «Другие голоса» *нашим* журналом, а Эйба Бронштейна — близким другом.

— Но какого черта, Бобби, они посылают именно тебя? — спросил Эйб. — Почему «Харперс» не отправит туда кого-нибудь из своих боссов, раз уж это настолько важно, что они даже расходы берут на себя?

Эйб попал в точку. Мало кто слышал о Роберте С. Лузаке в 1977 году, даром что «Зимние призраки» удостоились половины колонки обозрения в «Таймс». И все же во мне теплилась надежда на то, что люди — во всяком случае, те несколько сотен, чье мнение чего-то стоит, — слышали обо мне, и слышали нечто многообещающее.

— «Харперс» вспомнил обо мне из-за моей прошлогодней статьи в «Голосах», — сказал я. — Помнишь, та, о бенгальской поэзии. Ты еще сказал тогда, что я слишком много времени убил на Рабиндраната Тагора.

— Как же, помню, — откликнулся Эйб. — Удивительно еще, что эти клоуны из «Харперс» знают, кто такой Тагор.

— Мне позвонил Чет Морроу. Он сказал, что статья произвела на него глубокое впечатление. — Я решил опустить тот факт, что Морроу забыл имя Тагора.

— Чет Морроу? — проворчал Эйб. — Он разве уже не пишет кинороманы по телесериалам?

— Пока он работает временным помощником редактора «Харперс», — ответил я. — Он хочет получить статью о Калькутте к октябрьскому номеру.

Эйб покачал головой.

— А как насчет Амриты и крошки Элизабет-Регины...

— Виктории, — закончил я за него.

Эйб знал, как зовут мою малышку. Когда я впервые сообщил ему, как мы назвали девочку, Эйб заметил, что имя довольно удачное для потомства индийской принцессы и чикагского полячишки. Этот человек был воплощением чуткости. Хоть Эйбу и было далеко за пятьдесят, он так и жил вместе со своей матушкой в Бронксвилле. Он с головой ушел в издание журнала и казался безразличным ко всему, что напрямую с этим не связано. Как-то зимой у него в конторе сломалось отопление, и большую часть января он проработал там, закутавшись в шерстяное пальто, прежде чем пошевелил пальцем, чтобы сделали ремонт. В то время Эйб общался с людьми в основном по телефону или по почте, но его язык от этого не становился менее язвительным. Я начал понимать, почему никто не занял мое место ни на посту помощника редактора, ни в должности редактора отдела поэзии.

— Ее зовут Виктория, — повторил я.

— Не важно. А как Амрита отреагировала на то, что ты собираешься сбежать и бросить ее одну с ребенком? Кстати, сколько девочке? Месяца два?

— Семь месяцев.

— Не рано ли уезжать в Индию и оставлять их одних?

— Амрита тоже едет. И Виктория. Я убедил Морроу в том, что Амрита может переводить мне сベンгальского.

Это не совсем соответствовало истине. Именно Морроу предложил мне взять с собой Амриту. По правде говоря, эту работу я получил благодаря имени Амриты. До звонка мне «Харперс» обращался к трем авторитетам в областиベンгальской литературы, двое из которых были индийскими писателями, живущими в Штатах. Все трое отвергли предложение, но последний из них упомянул в разговоре Амриту, и — хотя ее специальностью была математика, а не литература, — Морроу за это уцепился. «Она ведь говорит по-венгальски?» — спросил Морроу по телефону. «Конечно», — ответил я. На самом же деле Амрита знала хинди, маратхи, тамильский и немного пенджаби, а также говорила по-немецки, по-русски и по-английски, но только не по-венгальски. «Один черт», — подумал я.

— А Амрита хочет ехать? — спросил Эйб.

— Ждет не дождется, — ответил я. В Индии она не была с тех пор, как ее отец перевез семью в Англию, — тогда ей было семь лет. Да и в Лондоне по дороге в Индию она хочет немного побывать, чтобы ее родители посмотрели на Викторию. Насчет последнего я уже не покривил душой. В Калькутту с ребенком Амрита ехать не хотела, пока я не убедил ее в том, что эта поездка исключительно важна для моей карьеры. Остановка в Лондоне стала для нее решающим фактором.

— Ладно, — буркнул Эйб. — Валай, езжай в свою Калькутту.

Его тон, однако, отчетливо выражал, что он думает по поводу этой затеи.

— Объясни, почему ты против этой поездки, — потребовал я.

— После. Для начала расскажи-ка про этого самого Даса, о котором болтает Морроу. Еще я хотел бы знать, почему ты хочешь, чтобы я забил половину весеннего номера «Голосов» для очередной писаницы этого Даса. Терпеть не могу перепечатки, а среди его стихов не найдется и десяти строчек, чтобы не печатались и не перепечатывались до тошноты.

— Верно, речь о Дасе, — сказал я. — Но не перепечатки. Новые вещи.

— Рассказывай.

И я стал рассказывать.

— В Калькутту я собираюсь, чтобы разыскать там поэта М. Даса, — начал я. — Разыскать, поговорить с ним и привезти кое-что из его новых работ для публикации.

Эйб уставился на меня.

— Угу, — произнес он. — Не получится. М. Дас умер. Преставился годков эдак шесть-семь тому назад. Кажется, в семидесятом.

— В июле тысяча девятьсот шестьдесят девято-го года, — уточнил я, не сумев удержаться от самодовольной нотки в голосе. — Он исчез в июле

шестьдесят девятого, когда возвращался после похорон, точнее, кремации своего отца в одной деревне в Восточном Пакистане — сейчас это Бангладеш, — и все решили, что его убили.

— Ага, припоминаю, — сказал Эйб. — Я тогда останавливался на пару дней у вас с Амритой, на вашей бостонской квартире, когда Союз поэтов Новой Англии проводил мемориальные чтения в его честь. Ты еще читал что-то из Тагора и отрывки из эпических поэм Даса про... как ее... эту монахиню — мать Терезу.

— А еще ему были посвящены две вещи из моего чикагского цикла, — добавил я. — Но, кажется, мы немного поторопились. Дас, судя по всему, снова всплыл в Калькутте — во всяком случае, появились его новые стихи и письма. «Харперс» заполучил кое какие образчики через одно тамошнее агентство, с которым они работают, и те, кто знал Даса, утверждают, что эти новые вещи написаны наверняка им. Но никто не видел его самого. Так вот, «Харперс» хочет, чтобы я попробовал раздобыть что-нибудь из его новых работ, но основной темой статьи будет что-то вроде «В поисках М. Даса». А теперь хорошая новость. «Харперс» имеет право первого выбора из тех стихов, которые я заполучу, но все остальное мы можем тиснуть в «Других голосах».

— Паршивые обедки, — буркнул Эйб, принявшиесь жевать сигару. За годы совместной ра-